

К счастью, дела у Янь Хуасина были такими, что закончить их сию минуту не представлялось возможным.

Забрав свой рюкзак, он вышел, а спустя минут десять вернулся.

В классе уже никого не осталось, лишь Гу Хэюэ всё ещё дремал, уткнувшись лицом в парту.

Янь Хуасин на цыпочках прокрался к своему месту и опустил сумку. Подумав, он решил не будить его. Взяв ручку, он набросал записку на стикере и приклеил её к рукаву Гу Хэюэ.

Как только его пальцы коснулись ткани, глаза Гу Хэюэ распахнулись.

Во время сна он снял очки, обнажив изящные и красивые черты лица. Под длинными ресницами его светлые глаза оставались спокойными и бездонными, словно глубокий омут, дна которого не достать, а глубины не разглядеть.

Те самые светлые глаза, которые лучше всего умеют выражать эмоции, сейчас казались непроницаемыми. В этот момент они были устремлены прямо на Янь Хуасина.

У Гу Хэюэ были персиковые глаза, которые даже в неподвижности казались полными нежности. Может, именно поэтому он и носил эти дурацкие очки, чтобы скрыть их?

Янь Хуасин не шелохнулся, застыв в полусогнутом положении, в котором приклеивал записку. Взгляды их встретились, и никто не спешил отвести глаза.

Дежурные, убирающие класс, уже ушли, и они остались вдвоём. В наступившей тишине было слышно дыхание друг друга.

После затяжного осеннего дождя к вечеру внезапно выглянуло солнце. Алый луч заката пробился сквозь стекло и упал прямо в глаза Янь Хуасину.

— Хороший бросок!

Громкий крик снаружи нарушил странную, томную атмосферу.

Янь Хуасин в одно мгновение поднял руку и закрыл глаза Гу Хэюэ. Тот, с закрытыми глазами, невольно часто заморгал длинными ресницами:

— Что такое?

— Солнце слишком слепит, — невозмутимо ответил Янь Хуасин, стараясь не обращать

внимания на зуд в ладони.

Гу Хэюэ спросил:

— Зачем ты закрыл мне глаза?

— Боялся, что тебя ослепит.

— Но я же сижу спиной к солнцу.

Янь Хуасин усмехнулся:

— Есть такой тип загара: я считаю, что ты загораеться, значит, так оно и есть.

Гу Хэюэ промолчал.

Янь Хуасин прижал стикер к предплечью Гу Хэюэ и убрал руку.

— Мне нужно найти одного человека. У тебя есть дела? — Янь Хуасин снова принял свой привычный вид, а на губах заиграла всё та же дежурная улыбка.

Гу Хэюэ, вернув себе обзор, отклеил записку и прочел: Зайду во второй Б, скоро вернусь, жди меня.

Отложив стикер в сторону, он надел очки, лежавшие на краю парты. Красивые черты лица оказались скрыты, и весь его облик мгновенно потускнел. В одночасье Гу Хэюэ снова стал ничем не примечательным учеником.

Янь Хуасин приподнял бровь:

— Ты свободен?

— Да, — холодно ответил Гу Хэюэ, стараясь говорить как можно меньше.

— Мы же собирались вместе идти в общежитие? Ты точно ничего не хочешь? — уточнил Янь Хуасин.

— Нет.

— Тогда пошли вместе, — сказал Янь Хуасин. — Не отставай.

Гу Хэюэ поднялся, не пытаясь нарочито сутулиться. Янь Хуасин с удивлением заметил, что тот оказался даже выше него, и от его роста исходило невольное давление.

— Гу Хэюэ, ну и Гу Хэюэ... Как же ты стараешься, чтобы сойти за обычного старшеклассника.

Гу Хэюэ приподнял бровь:

— М?

— У тебя отличное зрение, но ты носишь эти нелепые очки. Ты высокий, но вечно горбишься. У тебя приятный голос, но ты предпочитаешь молчать, — тон Янь Хуасина изменился. — От кого ты прячешься?

Гу Хэюэ ничего не ответил. Янь Хуасин не стал настаивать.

Их класс, второй А, находился по соседству со вторым Б — всего пара шагов по коридору. Заметив, что дверь открыта, Янь Хуасин заглянул внутрь и сразу увидел фигуру, сидящую с картонной коробкой в руках. Это был тот, кого он искал.

В классе не горел свет, и лишь половина помещения была залита солнечным светом.

— Чэнь Цзили, это мы, — мягко сказал Янь Хуасин.

Он ступал очень тихо, словно боясь побеспокоить её. По одной только позе было видно, что она не в духе. Гу Хэюэ вошел в класс и прислонился к задней стене, ожидая Янь Хуасина. Ему было неловко подходить ближе.

В классе никого не осталось, кроме Чэнь Цзили, одиноко сидевшей на своём месте. Её тёмно-золотистые волосы, обычно собранные, растрепались и безжизненно свисали на плечи.

Янь Хуасин небрежно отодвинул стул перед ней, сел лицом к ней, широко расставив ноги, и, подперев подбородок рукой, склонил голову набок. Состояние Чэнь Цзили было вполне ожидаемым.

В её глазах не было жизни, она пусто смотрела на коробку в своих руках. Лицо утратило всякий цвет, губы пугающе побелели. Она не плакала, не пыталась изобразить натянутую улыбку — на лице не было ровным счётом ничего.

Янь Хуасин помахал рукой перед её лицом:

— Чэнь Цзили?

Она не ответила.

— Вещи в коробке такие ценные? — спросил он.

Снова тишина.

Янь Хуасин ответил сам себе:

— Раз их принёс Чжан Хайюй, должно быть, очень ценные...

При упоминании этого имени пальцы Чэнь Цзили, сжимавшие края коробки, побелели. Даже сквозь перчатки было видно, в каком она смятении.

Янь Хуасин смягчил тон:

— Чэнь Цзили, это я. Я опоздал?

Наконец она отозвалась:

— Нет.

Раз вещи уже у неё, значит, Чжан Хайюй уже приходил. С момента окончания урока прошло меньше получаса, а он уже успел собрать вещи и вернуть их. Янь Хуасин явился слишком поздно, он даже не застал его.

— Он только что ушел, — произнесла Чэнь Цзили, не желая, чтобы Янь Хуасин винил себя.

Видя её состояние, Янь Хуасин почувствовал, что все его прошлые советы прошли мимо ушей. На сердце будто легла тяжёлая плита.

— Чэнь Цзили, он не просто отдал вещи, он ещё что-то сказал, верно?

Она закусила губу и промолчала. Янь Хуасин и без ответа знал правду.

Начало сентября, солнце садится поздно. Заходящее светило освещало класс: одна половина лица Чэнь Цзили была залита алым светом, другая тонула в темноте.

У Янь Хуасина не было никаких дел с Чжан Хайюем, и он не знал, что тот за человек. Но он хорошо знал характер Чэнь Цзили. Стоило лишь немного додумать, чтобы понять, что именно сказал Чжан Хайюй.

Янь Хуасину вдруг захотелось горько усмехнуться. У Чжан Хайюя плохая успеваемость, способности средние, а вот манипулировать людьми он умеет. Янь Хуасин подавил готовую сорваться с губ насмешку:

— Он сказал, что если бы не случилось того инцидента сегодня днём, у вас двоих всё могло бы сложиться иначе?

Чэнь Цзили не кивнула, но по тому, как внезапно напряглось её тело, он понял, что угадал.

— Он ещё сказал, что во время общения тоже начал испытывать к тебе чувства? Просто не был уверен в себе, а моё внезапное появление сделало ваши отношения неловкими, и он не смог признаться? И ещё добавил, что ради твоего же блага и будущего он должен отступить, чтобы эти чувства не помешали тебе?

К концу фразы Янь Хуасин стиснул зубы так, что каждое слово вылетало с трудом.

— Откуда ты знаешь? — Чэнь Цзили подняла голову, глядя на него глазами, полными слёз.

В горле Янь Хуасина встал ком. И правда, сколько бы раз он ни видел подобное, привыкнуть к этому было невозможно. Он отвёл взгляд.

— Слишком часто такое вижу.

— Ты хочешь сказать, что его слова — это обычное дело? — одна слезинка задрожала на её ресницах, готовая вот-вот сорваться.

Янь Хуасин слегка нахмурился:

— Чэнь Цзили, ты хочешь услышать от меня причину, которая поможет тебе окончательно выкинуть его из головы?

Чэнь Цзили криво усмехнулась:

— Да.

Она опустила голову, и на картонную коробку упали первые капли.

— Прости, я не могу поставить саму себя на первое место в собственной жизни. Я всё ещё не могу перестать думать о том, что он сказал, о его нежелании расставаться, о его беспомощности, когда он отдавал мне эти вещи. Если бы... если бы я настояла на своём, если бы дождалась момента, когда он осмелится признаться, всё было бы иначе? Но если бы я так поступила, я бы окончательно потеряла своё достоинство. Как же это унижительно.

Она говорила, и слёзы градом катились из её глаз, а голос дрожал. Вскоре в классе не осталось ничего, кроме её тихих рыданий.

<http://bllate.org/book/21500/2203185>